

Гранитный Гость

Вадим Краснощёков

Вадим Краснощеков

Гранитный Гость

«Автор»

2026

Краснощеков В.

Гранитный Гость / В. Краснощеков — «Автор», 2026

«Гранитный гость» Вадима Краснощёкова — современная интерпретация пушкинского «Каменного гостя», где классика переплетается с криминальным триллером и мистикой. После пяти лет изгнания Иван Ивановский возвращается в Москву и вновь оказывается в водовороте страстей: он сталкивается с бывшей возлюбленной Лаурой, втягивает себя в череду роковых поступков и признаётся вдове убитого им Командира в содеянном. Но высшая расплата ближе, чем кажется: оживший каменный памятник Командира вершит возмездие, стирая грань между прошлым и настоящим, виной и судьбой. Повесть исследует природу рока и неотвратимости наказания, предлагая свежий взгляд на вечный сюжет о грехе и возмездии.

© Краснощеков В., 2026

© Автор, 2026

Вадим Краснощеков

Гранитный Гость

Гранитный гость

(по мотивам пьесы А.С. Пушкина «Каменный гость»)

Глава 1. Возвращение в Москву

Майский вечер 2015 года опускался на Шереметьево тяжелым небом, пахнувшим авиационным керосином и свежей грозой. Терминал D бурлил людским потоком, в котором легко было затеряться любому, если у него имелся правильный паспорт, уверенный взгляд, капюшон худи, накиннутый на голову и солнцезащитные очки Gucsi.

Человек, прошедший пограничный контроль под именем Дмитрия Диегова, на самом деле носил имя, которое в определенных кругах Москвы старались не произносить вслух без крайней надобности. Иван Ивановский вернулся после пяти лет вынужденного изгнания на далеких тропических островах и в душных европейских столицах. Время не изменило его: та же хищная, легкая походка, тот же насмешливый прищур и абсолютное, почти болезненное безразсудство в каждом движении.

На многоярусной парковке, в самом глухом ее углу, его ждал тяжелый, угольно-черный «Лексус» с глухой, зеркальной тонировкой, стопроцентно нарушающей все требования ГИБДД. Как только Иван приблизился к машине, задняя дверь бесшумно распахнулась. За рулем сидел Лепа Релов. При взгляде на него у любого сотрудника внутренних дел возникли бы вопросы: крепкие плечи, аккуратная борода, внимательные глаза человека, который видит мир через прицел, и мягкие, кошачьи повадки. Лепа был не просто помощником. Он был предан Ивану той абсолютной, фанатичной верностью, какая бывает только у людей, чью жизнь однажды вытащили из чеченской воронки. Для Лепы не существовало законов уголовного кодекса — существовало только слово Ивановаского. Если бы Иван приказал ему сжечь этот аэропорт вместе со всеми самолетами, Лепа лишь поинтересовался о сроках для выполнения этой задачи.

— Вaleyкум ассалам, Ваня, — не оборачиваясь, тихо произнес Лепа, когда машина мягко тронулась с места и взяла курс на Ленинградское шоссе. — Ты сумасшедший. Клянусь всеми святыми, ты чистый безумец.

— Здорово, Лепа, — Иван откинулся на кожаное сиденье и с наслаждением опустил стекло, впуская в салон сырой, бодрящий воздух подмосковной трассы. — Соскучился по мне?

— Я соскучился по спокойной жизни, Ваня. На тебя в Следственном комитете папка толщиной с Ветхий завет лежит. Тебя ищут по всем базам. Наше счастье, что Диегов — чистый дубликат, без отпечатков. Зачем ты вернулся? Сейчас все только и бегут за границу, а ты лезешь прямо в петлю.

Иван не ответил. Он жадно смотрел в окно. «Лексус» уже миновал Химки и приближался к МКАДу, где Москва открывалась во всей своей новой, реформированной красе. Строительство развязок и трасс, огромные светящиеся медиа фасады и новые бизнес-центры.

— Ты посмотри, Лепа, как она изменилась, — негромко, с каким-то почти религиозным трепетом заговорил Иван. Его глаза блестели отраженными огнями трассы. — Всего пять лет прошли, а город не узнать. Дышать стало легче. Этот новый мэр — он ведь гений. Он сдирает с Москвы эту старую, сальную, лужковскую кожу. Помнишь, что тут было? Повсюду эти уродливые, фанерные торговые центры у каждого метро, палатки с шаурмой, рынки, где бандиты в кожанках терлись. Старик ведь город под ОПГ положил, превратил столицу империи в черкизовский базар. Каждая площадь была забита ларьками, как гнилыми зубами. А сейчас? Посмотри на эти эстакады. Посмотри, как убирают провода под землю. Гранит, простор, свет! Москва становится великим европейским городом. Настоящим Третьим Римом. Весна здесь

пахнет по-особому — сиреню и как всегда большими деньгами. Я без этого воздуха там, в Азии, чуть легкие не выплюнул. Я умирал, Лепа. Какая же она красивая, майская Москва...

Лепа мрачно хмыкнул, ловко перестраиваясь между рядами и обходя груженный фургон.

— Красивая-то красивая, Ваня. Только эта плитка гранитная, которой они сейчас все тротуары закладывают, может стать твоей надгробной плитой. Ты забыл, почему улетел? Дело «Командира» никто не закрывал. Его люди до сих пор землю носом роют.

При упоминании Командира в салоне автомобиля словно похолодало. Командир — правая рука прежнего градоначальника, де-факто второй хозяин Москвы, теневой генерал, державший в кулаке весь строительный и силовой сектор столицы. Человек, чье слово было весомее судебных приговоров. И человек, которого Иван Ивановский застрелил в упор на закрытой подземной парковке после того, как Командир попытался полностью подмять под себя бизнес Ивана.

— Командир в земле, Лепа, — жестко отрезал Иван. — Трава растет, черви сыты. Мертвые не кусаются.

— Мертвые — нет, — Лепа крутанул руль, съезжая на Третье транспортное кольцо. — А вот его система — очень даже. Его вдова Анна Дмитриевна, его бывшие замы, силовики, которым он заносил чемоданами... Они все здесь. Стоит твоему лицу хоть раз попасть на камеру с распознаванием — а их сейчас по городу вешают тысячами, новый мэр на безопасность не скупится, — и всё. Нас зажмут на первом же светофоре. Стоило ли так рисковать ради того, чтобы просто посмотреть на новые пешеходные зоны?

Иван тихо рассмеялся — тем самым чистым, заразительным смехом, который всегда пугал Лепу, потому что за этим смехом скрывалось полное презрение к смерти.

— Эх, Лепа, Лепа... Черствая твоя душа. Разве я ради площадей вернулся? Я вернулся, потому что больше не мог без женщин. Без наших, русских женщин. Ты не представляешь, какая это пытка — жить за границей. Я объездил весь мир за эти пять лет. Ну и что? Тайки? Маленькие, услужливые куклы, пахнущие кокосовым маслом, скучные до зубовного скрежета. Негритянки в Париже? Шумные, фальшивые, в них нет тайны. Кубинки, испанки — да, в них есть огонь, они горячие, как песок под солнцем, но этот огонь выжигает всё внутри за две недели, у них в головах только танцы и ревность. В них нет глубины. А наши москвички! В москвичке, Лепа, сочетается всё: лед и пламя, изящество парижанки и хищность пантеры. То, как они ходят на каблуках по этому самому новому граниту, то, как они смотрят на тебя в полумраке дорогого ресторана — высокомерно, но с затаенным обещанием... Ни одна женщина в мире не сравнится с русской. Я готов сдохнуть в «Матросской Тишине», лишь бы еще раз провести ладонью по шелку волос столичной женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.